

Толстой Лев. Неизбежный переворот

1909, источник: *Лев Николаевич Толстой. Полное собрание сочинений в 90 тт., т. 38* .

Статью Л. Н. Толстой начал писать в марте 1909 г. В дневнике секретаря Толстого Н. Н. Гусева от 15 апреля 1909 г. записано: «Около месяца тому назад Л. Н. начал новую статью, в которой с разных сторон выражает давно уже высказываемую им мысль о том, что человечество нашего времени необходимо должно перейти от устройства жизни, основанного на насилии, к устройству жизни, основанному на любви». Толстой несколько раз изменял ее заглавие: «1) Старое и новое; 2) Неизбежная революция сознания; 3) Новая жизнь; 4) Человечество вырастает из пеленок; 5) Революция неизбежная, необходимая и всеобщая».

Извлечение из статьи «Неизбежный переворот» появилось в газете «Русские ведомости» (1909, № 207, 10 сентября).

- Предисловие

- I

- II

- III

- IV

- V

- VI

- VII

- VIII

- IX

- X
- XI
- XII
- История писания и печатания

Предисловие

Царство Божие внутри вас и достигается усилием.

Самые глухие люди это те, которые не хотят слышать.

Французская поговорка.

Знаю, что много, много людей, особенно из числа так называемых образованных, заглянув в это мое писание и поняв, о чем идет речь, только пожмут плечами, презрительно улыбнутся и не станут читать дальше. Все старое «непротивление», как это не надоест ему, скажут они.

Знаю, что это так будет, во первых, для людей, называемых учеными и знания которых не сходятся с тем, что я говорю, во вторых, для людей, находящихся в увлечении деятельности правительственной или революционной, которым это мое писание ставит дилемму: признать нелепостью или то, что они делали и делают годами и ради чего пожертвовали столь многим, или то, что я говорю. Будет это так и для многих людей так называемых образованных, которые в самых важных вопросах жизни привыкли, не думая своей головой, усваивать мнения, исповедуемые окружающим большинством, оправдывающие их положение. Но знаю, что все люди, самобытно думающие, а также и большинство рабочих людей, не испорченных еще тем нагромождением пустых и ложных знаний, которое называется в наше время наукой, будут со мною. Знаю это потому, что в наше время, как для самобытно мыслящих людей, так и для огромного большинства трудящихся рабочих, становится с каждым днем все более и более очевидным и неразумие; и безнравственность причиняемых ими самим себе ненужных страданий. И те, и другие не могут уже в наше время не признать, наконец, ту простую и режущую теперь глаза истину о том, что для улучшения жизни нужно только одно, перестать делать то, что причиняет эти страдания.

Человек может избежать несчастий, ниспосылаемых Небом, но от тех несчастий, которые он сам навлекает на себя, нет спасения.

Восточная пословица.

Люди жалуются на страдания, не понимая того, что они сами себе их причиняют.

Когда человек не видит связи между испытываемыми страданиями и своею жизнью, он может сделать одно из двух или продолжать нести такие страдания, как мучения, не имеющие никакого смысла, или признать то, что страдания его суть указания на его грехи.

При первом взгляде страдания не имеют никакого объяснения и не вызывают никакой другой деятельности, кроме постоянно растущего и ничем не разрешимого отчаяния и озлобления. При втором — страдания вызывают ту самую деятельность, которая и составляет движение истинной жизни — сознание греха, освобождение от заблуждений и подчинение закону любви.

Сколько средств, чтобы быть счастливым, сколько удобств, о которых не имели понятия наши предки. И что же, счастливы ли мы? Если малое число более счастливо, то большинство тем более несчастно. Увеличивая средства жизни для малого числа богатых, заставили большинство быть и считать себя несчастными. Какое может быть счастье, которое приобретается о ущерб счастью других?

Руссо.

Казалось бы, что те внешние условия, в которых находится человечество нашего времени, должны бы были довести его благосостояние до высшей степени. Земель, пригодных для обработки, доступно людям столько, что все люди могли бы с избытком пользоваться на них всеми благами жизни. Средства передачи мыслей и передвижения (печать, почта, телеграф, железные дороги, паровые и электрические двигатели, аеропланы и др.), т. е. средства того, что более всего содействует благу людей, средства единения, доведены до высокой степени совершенства. Средств борьбы с природой, облегчений труда придумано столько, что, казалось, все люди могли бы пользоваться полным удовлетворением своих потребностей без напряжения труда, лишаящего досуга и разрушающего здоровье. Все есть для того, чтобы благо людей увеличивалось, а вместо этого люди нашего времени страдают, мучаются и телесно и духовно, как никогда в прежние времена не страдали и не мучались, и страдания и мучения эти растут с каждым годом.

Скажут, страдания свойственны вообще жизни людей. Да, страдания свойственны, но не те страдания, которыми страдают теперь люди нашего мира. Свойственны жизни человеческой страдания внешние, всякого рода болезни, наводнения, пожары, землетрясения, засухи,

свойственны также и страдания случайные, временные, от войн или жестокости некоторых правителей, но не те страдания, которыми не переставая страдают теперь все люди. Страдают теперь все люди: и те, которые властвуют или прямой силой или богатством, и те, которые с неперестающей ненавистью несут свою зависимость от властвующих и богатых, и страдают все уже не от внешних причин, не от землетрясений и наводнений, не от Неронов, Иоаннов Четвертых, Чингис-ханов и т. п., а страдают друг от друга, страдают от того, что все разделены на два враждебные, ненавидящие друг друга стана: страдают одни от зависти и ненависти к тем, кто над ними властвует, другие от страха и тоже презрительного недоброго чувства к тем, над кем они властвуют, страдают и те, и другие от сознания непрочности своего положения, от той неперестающей, временами вспыхивающей и проявляющейся величайшими жестокостями, но никогда не переставшей глухой борьбы между двумя ненавидящими друг друга лагерями. Страдают особенно жестоко преимущественно от того, что и те, и другие в глубине души знают, что причина их страданий в них самих, что им можно бы было избагиться от этих наносимых самим себе страданий, но и тем и другим кажется, что они не могут этого сделать, что виноваты не они, а враги их, и тем с большим озлоблением нападают друг на друга, и тем все больше и больше ухудшают свое положение.

Так что причина бедственности положения, в котором находится теперь человечество, причина совершенно особенная, исключительная, свойственная только нашему времени.

Люди так привыкли к поддержанию внешнего порядка жизни насилием, что жизнь людей без насилия представляется им невозможной. А между тем, если люди насилием могут учреждать справедливую жизнь, то те люди, которые силою учреждают такую жизнь, должны знать, в чем справедливость, и быть сами справедливы. Если же одни люди могут знать, в чем справедливость, и могут быть справедливыми, то почему же всем людям не знать этого и не быть справедливыми?

Среди китайских мудрецов был один Ми-Ти, который предлагал правителям внушать людям уважение не к силе, к храбрости, богатству, власти, а к любви. Он говорил: «Воспитывают людей так, чтобы они ценили силу, богатство, славу, и они ценят их. Воспитывайте их так, чтобы они любили любовь, и они будут любить любовь». Мен-Дзе, ученик Конфуция, не соглашался с ним и опровергнул его, и учение Ми-Ти не восторжествовало. Это самое учение было проповедано Христом 1900 лет тому назад, и учение это, хотя и было как будто бы принято церковной верой, было этой самой церковной верой скрыто от людей.

С тех пор, как мы знаем совокупную жизнь людей, мы знаем, что всегда люди соединялись между собой, кроме связей семейных, родовых, обменных, торговых, еще подчинением многих одному или нескольким властителям. Такое подчинение одних другим, большинства меньшинству, было так обще всем народам, так давно существовало, что все люди, как те, которые властвовали над многими, так и те, которые подчинялись им, считали такое устройство жизни неизбежным, естественным и единственно возможным для совокупной жизни людей. Властвующие считали, что, будучи самим Богом предназначены для властвования над народами, они должны были стараться наилучшим образом пользоваться своей властью для спокойного, мирного и счастливого жития подвластных. Так это много раз выражено во всех учениях мудрости, а также и в религиозных учениях самой древней и многочисленной части человечества: в священных книгах Китая и Индии: Шу-Кинге и законах Ману. Подвластные же считали такое устройство жизни предопределенным от Бога, неизбежным, и потому покорно подчинялись власти и поддерживали ее для возможности наибольшего пользования свободой в общении с такими же, как и они, подвластными подданными. Таково было это основанное на насилии устройство жизни. И человечество жило так веками. Так было это в Индии, и в Китае; так было это и в Греции и Риме и в средневековой Европе; так это, как это ни противно сознанию человечества нашего времени, продолжается для большинства людей и теперь. И в Европе и на востоке люди, как подчинявшиеся, так и властвующие, жили веками, продолжают жить и теперь, не допуская в большинстве своем возможности какого либо другого средства единения, кроме насилия. А между тем во всех религиозных учениях древнего мира: и в браминизме, и в буддизме, и в таосизме, и в конфуцианстве, а также и в учениях греческих и римских мудрецов, вместе с

утверждением власти властвующих на насилии, всегда выражалось с разных сторон еще другое учение о том, что любовь людей между собою есть наилучшее средство общения людей, так как дает людям наибольшее благо. Мысль эта различно и с различной степенью ясности выражалась в разных учениях востока, но за 1900 лет до нашего времени мысль эта с поразительной ясностью и определенностью была выражена в христианстве.

Христианство указало людям не только то, что любовь есть средство общения людей, дающее им благо, но и то, что любовь есть высший закон жизни людей, и что поэтому закон любви несовместим с прежним, основанным на насилии, устройством жизни.

Главное значение христианства и особенность его от всех прежних учений, проповедывавших любовь, было в том, что оно, провозглашая закон любви высшим законом жизни, таким, который, не допуская исключений, всегда должен исполняться, указало на те обычные отступления от закона любви, которые, вместе с признанием благодетельности любви, допускались при прежнем устройстве жизни, основанном на власти властвующих, поддерживаемой насилием. При прежнем устройстве жизни насилие, включающее в себя убийства, при защите себя, ближних или отечества, при наложении наказаний на преступников и т. п., было необходимым условием общественной жизни. Христианство же, ставящее высшим законом жизни любовь, признающее всех людей равными, проповедующее прощение всякой обиды, оскорбления, насилия, и воздаяние добром за зло, не могло допускать ни в каком случае насилия человека над человеком, всегда в последнем своем проявлении требующего даже убийства. Так что христианство в своем истинном значении, признавая основным законом жизни любовь, прямо и определенно отрицало то самое насилие, которое стояло в основе всего прежнего устройства жизни.

Таково было и есть главное значение христианства. Но люди, принявшие христианство, веками жившие в сложном государственном устройстве, основанном на насилии, приняв христианство, отчасти не понимая всего его значения, отчасти понимая, но стараясь скрыть его от себя и других людей, взяли из христианства. только то, что не было противно установившемуся складу их жизни. Возникшее же на первобытном христианстве церковное учение, соединив учение Христа с древнееврейским учением, уже так искусно, под различными, совершенно чуждыми христианству догматами и постановлениями, скрыло сущность христианства, что насилие, так явно несовместимое с христианством в его истинном значении, стало считаться как насилующими, так и насилуемыми не только не противным христианскому учению о любви, но и вполне законным и согласным с христианским учением.

Люди жили, подчиняясь насилиям и совершая их, и вместе с тем исповедывали учение любви, явно противоречащее насилию. Внутреннее противоречие это всегда жило в христианском мире и соответственно умственному развитию людей становилось все более и более явным. В другой, большей половине нехристианского человечества — Египет, Индия, Китай (я не говорю про магометанский мир, который жил по учению, вышедшему из христианства), где точно так же было — и в браминизме, и в буддизме, и в конфуцианстве, и в таосизме — провозглашено учение любви среди людей, живших по закону насилия, противуречие этих двух несогласных начал проявлялось не так резко и сильно, как в христианстве. Но хотя в религиозных учениях востока, Индии, Китая, не было указано с такой ясностью, как это было в христианстве, на несовместимость закона насилия и закона

любви, внутреннее противоречие это и в нехристианском мире делало и делает свое дело, все более и более выясняя людям необходимость замены старого, отжившего начала насилия новым законом любви, с разных сторон входящим в сознание людей.

Из того, что возможно насилием подчинять людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинять людей насилием.

Паскаль.

Насилие, производя только подобие справедливости, более всего удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия.

В сознание людей входило все большее и большее признание закона любви, долженствовавшего заменить насилие, а между тем жизнь продолжала идти на прежних основаниях.

Так это продолжалось веками. Но пришло время, когда истина о том, что любовь есть высший закон жизни человеческой, и что поэтому насилие, несовместимое с любовью, не может быть высшим законом жизни, истина, столь свойственная духовной природе человека и выраженная более или менее ясно во всех религиозных учениях и с особенной ясностью в христианстве, несмотря на все усилия властителей и их помощников, все более и более входила в сознание людей и в наше время более или менее сознательно уже стала достоянием большинства людей. Как нельзя затушить огонь, завалив его стружками, так же невозможно было заглушить раз возникшую в сознании людей и с такой ясностью выраженную во всех религиозных учениях и столь близкую сердцу человеческому истину о том, что свойственное природе людей единение есть единение, основанное на любви, а не насилию, страхе. И истина эта, хотя и не в прямом своем выражении, но в различных вытекающих из этой истины положениях и требованиях, все чаще и чаще проявлялась во всем мире, отыскивая свое приложение к жизни. Так, среди христианского мира истина эта, прежде, чем в других странах, проявилась в требованиях равенства граждан, людей (хотя только одного государства), в уничтожении рабства, в признании прав женщины, в учениях социализма, коммунизма, анархизма; проявлялась и проявляется эта истина и в самых разнообразных союзах, конгрессах мира, проявляется и во многих так называемых сектах, как христианских, так и магометанских, прямо отрицающих закон насилия и освобождающих себя от подчинения ему.

В христианском мире и близком ему магометанском истина эта более явно входила в сознание людей, но и на дальнем востоке истина эта не переставая делала свое дело. Так что даже в Индии и Китае, где насилие утверждено религиозным законом, насилие и касты в Индии в наше время представляются людям уже чем-то несвойственным человеческой природе.

Все люди мира, хотя еще и не признавая закона любви во всем его значении, уже чувствуют всю невозможность продолжения жизни по прежнему закону насилия и ищут другой, соответствующей духовному росту человечества, основы взаимного общения...

Основа же эта есть только одна и тысячи лет тому назад уже высказана лучшими людьми мира..

IV

Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизации, но далеко еще не в эпоху морали. При настоящем состоянии людей можно сказать, что счастье государств растет вместе с несчастьем людей. И еще вопрос, не счастливее ли мы были бы в первобытном состоянии, когда у нас не было бы этой культуры, чем в нашем настоящем состоянии.

Ибо как можно сделать людей счастливыми, когда их не делают нравственными и мудрыми!

Кант.

Все наши благотворительные учреждения, все наши карательные законы, все наши ограничения и запрещения, которыми мы стараемся предупредить и пресечь преступления — что такое они в лучшем случае, как не выдумки дурака, который, взвалив весь груз в корзинку с одной стороны осла, решил помочь несчастному животному, навалив столько же камней в корзинку с другой его стороны?

Генри Джордж.

Прежняя основа единения людей, насилие, в наше время не внушает людям, как прежде, слепого доверия, но представляется, напротив, чем то уже противным их сознанию.

Люди теперь в большинстве своем более или менее живо чувствуют уже необходимость устройства жизни на других основаниях, чем насилие. Но старые обычаи, предания, воспитание, привычки, главное самое устройство жизни таково, что люди, желая делать дела, вытекающие из закона любви, приводят их в исполнение посредством насилия, т. е. посредством того, что прямо противоположно тому закону любви, во имя которого они действуют, делают то, что делают.

Так в наше время революционеры, коммунисты, анархисты, во имя любви, блага народа совершают свои разрушения, убийства. Во имя же любви, опять для блага народа устраивают правительства свои тюрьмы, крепости, каторги, казни. Во имя любви, высшего блага уже не одного, а всех народов, устраивают дипломаты свои союзы, конгрессы, опирающиеся на все увеличиваемые и все больше и больше вооружаемые войска. Во имя любви же устраивают богачи, собравшие богатство и удерживающие его только благодаря законам, утверждаемым насилием, свои всякого рода благотворительные учреждения, неприкосновенность которых удерживается опять таки насилием.

Так это делается везде. Большое незамечаемое людьми зло насилия совершается во имя умышленно выставляемого на вид подобия добра. И как и не может быть иначе, это не только не улучшает положения, но, напротив, только ухудшает его. И потому положение людей нашего времени, становясь все хуже и хуже, стало несравненно хуже положения

людей в древности. Оно стало хуже оттого, что в наше время средства насилия увеличились в сотни раз, а увеличение средств насилия увеличило и происходящее от насилия зло. Как ни жестоки и бесчеловечны могли быть Нероны и Иоанны Четвертые, у них не было тех средств воздействия на людей, какие есть теперь у Наполеонов, Бисмарков, с своими войнами, и английских парламентов с своими усмирениями индусов, и наших русских Шлиссельбургов, каторги, ссылки. Были в старину Соловьи разбойники, Пугачевы, но не было тех орудий убийства, бомб, динамитов, дающих возможность одному слабому человеку убивать сотни. Встарину было рабство одних у других, но не было того всеобщего захвата земли, какой есть теперь, и той трудности приобретения предметов первой необходимости, а потому и не было того отчаянного положения, в котором находятся теперь миллионы безработных, положения без сравнения худшего, чем положение прежних рабов: теперь рабочие ищут рабства и страдают оттого, что не могут найти хозяина рабовладельца. В наше время, именно вследствие непризнания причины ала в насилии и прикрывания этого зла добрыми намерениями, особенно при теперешних средствах общения, вооружения и развращения народа, положение рабочих масс дошло до высшей степени бедственности, до высшей степени дошло и их раздражение против властвующих и богатых, точно так же как до высшей степени дошло и сознание непрочности своего положения властвующих и богатых и их страх перед рабочим народом и недоброжелательство к нему...

V

Народы земли трепещут и содрогаются. Всюду чувствуется какая-то работа сил, как бы подготавливающая землетрясение. Никогда еще человек не имел за собой такой огромной ответственности. Каждый момент приносит с собой все более и более важные заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться.

Люси Малори.

Существующее устройство жизни не соответствует ни требованиям общественной совести, ни даже требованиям рассудка.

Люди разумные существа. Для чего же они в общественной жизни руководствуются не разумом, а насилием?

Продолжение жизни людей нашего времени, как властвующих, так и тех, над кем властвуют властвующие, в том положении, в котором они находятся теперь, становится все более и более невозможным. И это живо чувствуется и теми и другими. Возможна была жизнь человечества с его разделением на десятки враждебных государств, с своими императорами, королями, войсками, дипломатами, с своим отбиранием от народа произведений его труда на вооружения и содержание войск, тогда, когда народы еще наивно думали каждый про себя, что он один настоящий народ, а что все другие народы враги, варвары, и что не только похвально отдавать свои труды и жизнь на защиту своего народа и его правителей, но что это даже не может быть иначе, что это так же естественно, как кормиться, жениться, дышать. Возможна была такая жизнь людей, когда люди верили, что бедность и богатство суть условия жизни, предопределенные Богом, когда властвующие и богатые не только не сомневались в законности своего положения, но в душе своей перед Богом гордились им, считая себя избранной, особой породой людей, людей же народа, «подлых», занимающихся ручной работой или даже торговлей, считали низшей породой людей, подвластные же и бедные верили, что властвующие и богатые особая порода людей, предназначенная на властвование самим Богом, так же как Богом же предопределена их жизнь, подвластных и бедных.

Возможна была такая жизнь и в христианском мире, когда людям, ни властвующим, ни подчиненным, не приходило в голову усумниться в той католической, православной или лютеранской религии, которая называлась христианской, которая допускала не только полное неравенство людей, но прямое рабство их, считала возможным и даже похвальным убийство людей, когда люди так верили в эту искусственную религию, что ее не нужно было защищать ни сознательным обманом, ни насилием.

Так продолжалось веками, но пришло время, когда все то, что делало такую жизнь возможной, стало понемногу разрушаться, и наконец люди всего мира, и в особенности

христианского, пришли к сознанию, более или менее ясному, того, что не они одни, немцы, французы, японцы, русские, живут на свете и не они одни хотят отстоять выгоды своего народа, но что все народы в том же положении, и что поэтому всякая война не только губительна для народных масс, не получающих от войны никаких выгод, а только лишения, но и совершенно бессмысленна; кроме того пришли люди нашего времени и к тому более или менее ясному сознанию, что все подати, собираемые с них, послужат к их благу, а растрачиваются большей частью во вред им на войны и на роскошь властвующих, что богатство не есть нечто предопределенное свыше, как это представлялось им прежде, но есть плод целого ряда обманов, вымогательств, насилий над трудящимся народом. Знают все это в наше время в глубине души и властвующие и богатые, но не имеют сил отказаться от своих положений и или грубым насилием или обманами или уступками стараются удержать свое положение. И потому теперь, когда все люди, все кроме того, что разделены между собою на различные народности, подавленные и желающие освободиться или желающие удержать подавленных, разделены еще везде на два озлобленно враждебные друг к другу стана: одних рабочих, обделенных, униженных и сознающих несправедливость своего положения, и других властвующих и богатых, тоже сознающих несправедливость своего положения, но во что бы то ни стало отстаивающих его, и тех и других готовых для достижения своей цели совершать и совершающих друг против друга величайшие злодеяния: обманы, кражи, шпионства, убийства, взрывы, казни — положение людей таково, что оно очевидно не может уж продолжаться.

Правда есть еще такие люди, которые хотят уверить себя и рабочих, что вот вот еще одно убедительное разъяснение существующей несправедливости, еще одна, самая прекрасная теория будущего устройства жизни, еще одно небольшое усилие борьбы с врагами — и установится наконец тот новый порядок, при котором не будет уже зла и все люди будут благоденствовать. Есть такие же люди и среди властвующих. Люди эти стараются уверить себя и других, что человечество не может жить иначе, как так, как оно жило веками, тысячелетиями, что изменять ничего не нужно, что стоит только, как ни неприятно это, неукоснительно подавлять силой все попытки изменения существующего строя и, не отказывая в «разумных» требованиях народа, твердо вести его по пути умеренного прогресса и всем будет хорошо.

Есть такие верующие и в том и в другом лагере, но люди уже не верят им, а два враждебные лагеря все резче и резче разделяются: становится все больше и больше зависть, ненависть, злоба рабочих к властвующим и богатым, и все больше и больше страх и ненависть властвующих и богатых к рабочим и обделенным, и все больше и больше заражают обе стороны друг друга взаимной ненавистью..

VI

Пора перестать верить в обман о том, что религия неподвижна. Верить в неподвижность религии — все равно, что верить в неподвижность того корабля, на котором мы плывем. Неподвижно подобие религии, культ; истинная же религия, сознание смысла жизни и вытекающего из него руководства, не может быть неподвижною, а не переставая движется и движением своим изменяет жизнь человечества.

Положение людей нашего времени ужасно. Причина же этого ужасного положения та, что мы, люди нашего времени, живем не по тому миросозерцанию, которое свойственно нашему сознанию, а по тому миросозерцанию, которое за тысячи лет до нашей эры было свойственно нашим предкам, но теперь уже не может удовлетворять нашим духовным требованиям. Причина в том, что мы, более или менее ясно сознающие уже теперь ту основу любви, которая, заменив насилие, может и должна соединить людей, все еще живем тем насилием, которое в прежние времена соединяло людей, но теперь уже несвойственно нам, противно нашему сознанию и потому не только не соединяет, но теперь только разъединяет людей.

Может ли быть счастлив, или вернее, не быть несчастлив старик, который захотел бы жить жизнью молодости, или взрослый человек, желающий жить жизнью ребенка? И сколько бы ни старался человек продолжать жить несвойственной уже ему жизнью прежнего возраста, он, если не разумом, то страданиями, волей или неволей будет приведен к необходимости жить сообразно своему возрасту.

То же самое с обществами людей и со всем человечеством, если оно руководствуется в своей жизни не свойственным его возрасту сознанием, а тем, которое уже давно пережито им. А это самое совершается теперь с человечеством нашего времени.

Мы не знаем и не можем знать условий ни рождения, ни происхождения, ни исчезновения как отдельного человека, так и человечества, но в пределах доступного нам времени знаем и несомненно знаем, что жизнь человечества всегда подчинялась и подчиняется тому же самому закону постепенного роста и развития, которому подчиняется и жизнь отдельного человека. Как и в жизни каждого отдельного человека мы видим, что человек в главном направлении своей деятельности руководится пониманием смысла своей жизни, т. е. своим сознательным или бессознательным религиозным мировоззрением, то же самое видим мы и в жизни всего человечества.

И как жизнь отдельного человека не переставая изменяется соответственно его росту, т. е. согласно с изменением общего понимания смысла своей жизни, точно так же не переставая изменяется и не может не изменяться и жизнь не перестающего расти, подвигаться вперед к более разумной жизни всего человечества. И точно так же, как естественно, почти

неизбежно задерживается всегда движение вперед отдельного человека тем, что, усвоив привычки прежнего, пережитого им возраста, он не охотно, не скоро расстается с ними, часто умышленно старается, отдаваясь деятельности прежнего возраста, оправдать различными придумываемыми рассуждениями продолжение прежней, уже несвойственной ему жизни, так точно и человечество, естественно по инерции задерживаясь на предшествующем, пережитом уж складе жизни, оправдывает для самого себя эти задержки придуманными рассуждениями, принимающими для человечества всегда вид ложных религиозных вер и одинаково ложных научных построений.

Много есть суеверий, от которых страдают люди, но нет более общего, более губительного по своим последствиям суеверия, чем то, по которому люди уверяют себя в том, что сознание человечества (то, которое выражается учениями о смысле жизни и о вытекающем из него руководстве поведения, называемыми религиями), что это сознание может остановиться и быть одно и то же во все времена жизни людей.

Вот это то суеверие, побуждавшее человеческие общества жить по религиозным и научным учениям, всегда отстающим от постоянно развивающегося сознания человечества, и было всегда одним из главных источников тех бедствий, которые постигали человеческие общества. И бедствия эти бывали всегда тем больше, чем большая часть человечества подвергалась этим задержкам в движении и чем дольше они продолжались.

Бывает так, что эти задержки захватывают и особенно ярко выражаются и разрешаются в одной небольшой части человечества, но бывает и так, что задержки эти захватывают жизнь всего человечества, как это происходит теперь.

Так, например, задержка движения к более разумной жизни одной части человечества, произведенная злоупотреблениями Римской церкви, дошедшими до крайнего извращения сущности учения Христа, захватила только небольшую часть человечества, подпавшую несоответствующему сознанию людей суеверию папства, и бедствия, вызванные реформацией и последовавшими за ней войнами, продолжались относительно недолго.

Но бывает и так, что уже не известные народы и не по отношению одного какого либо вопроса местного, религиозного или общественного, а все человечество и по отношению не частных вопросов, но общих всем народам основ жизни живет веками несоответственно своему сознанию. И тогда бедствия, вытекающие из таких задержек жизни, ведомой по несоответствующим уже сознанию людей религиозным началам, продолжаются особенно долго и бывают особенно велики. И таково то положение, в котором живет теперь уже не часть, а все человечество вследствие того, что, продолжая еще по инерции повсюду руководствоваться для единения людей между собой когда то неизбежным и общим всем народам насилием, люди все более и более ясно сознают уже другое, высшее начало любви, долженствующее заменить прежние приемы насилия..

VII

Невозможность продолжения той жизни, которой мы живем теперь, чувствуется уже всеми мыслящими людьми нашего времени. Все, что мы называем культурой: наши науки, искусства, усовершенствования удобств и приятностей жизни, все это только усилия заглушить в человеке сознание этой невозможности. Но все усилия эти в наше время оказываются тщетными: невозможность эта чувствуется и сознается уже не как далекое будущее, а как наступившее настоящее, которое нельзя обойти, а к которому, хочешь или не хочешь этого, надо отнестись так или иначе.

Мы живем в важное время. Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революций в лучшем смысле этого слова — не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства.

Чаннинг.

Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколений, едва догадывалось, отчего ему так ловко живется, пока большинство, работая день и ночь, не совсем догадывалось, что все выгоды работы — для других, и те и другие считали это естественным порядком, — мир антропофагии мог держаться. Люди часто принимают предрассудок, привычку за истину — и тогда она их не теснит. Но когда они однажды поняли, что их истина — вздор, — дело кончено. Тогда только силою можно заставить делать то, что человек считает нелепым (и то только на самое короткое время. Л. Т.).

Герцен.

Три, два века тому назад люди, призываемые в войско по повелению главы государства, ни на минуту не сомневались в том, что как ни трудно то, чего от них требуют, они, идя на войну, делают не только хорошее, но неизбежно необходимое дело, жертвуя своей свободой, трудом, даже жизнью для святого дела: защиты отечества против врагов его, главное же исполняя волю Богом поставленного владыки. Теперь же всякий человек, которого гонят на войну (особенно содействовала уничтожению патриотического обмана общая воинская повинность), всякий знает, что те, против кого его гонят, такие же люди, как и он, так же обмануты своими правительствами, а зная это, не может уже не видеть в особенности в христианском мире всего безумия и безнравственности того дела, к которому его принуждают. А понимая безумие и безнравственность дела, к которому его призывают, не может не презирать и не ненавидеть тех людей, которые принуждают его.

Точно так же встарину люди, отдавая свои подати, т. е. свои труды правительствам, были уверены, что отданное правительству необходимо для важных и нужных дел; кроме того считали тех людей, которые распоряжались этими произведениями их труда, чуть не

святыми, безгрешными людьми. Теперь же почти всякий рабочий считает правительство если не шайкой разбойников, то во всяком случае людьми, озабоченными своими интересами, а никак не интересами народа, и необходимость отдавать свои труды в их распоряжение только временным бедствием, от которого он желает всеми силами души и надеется тем или иным способом скоро освободиться.

200, даже 100 лет тому назад люди смотрели на богатство как на достоинство и на собирание богатства как на добродетель и уважали богатых и старались подражать им, теперь люди, в особенности бедные, презирают и ненавидят богатых только за то, что они богаты, всякие же попытки богатых тем или иным путем поделиться с бедными вызывают в этих самых бедных только еще большую ненависть к богатым.

В прежние времена властители и богатые верили в свое положение и знали, что рабочий народ верит в его законность, и народ действительно верил в предопределенность положения и своего и своих властителей. Теперь же и те, и другие знают, что нет никакого оправдания ни властвованию правителей, ни богатству богатых, ни давлению рабочих, и что для того, за чтобы властителям и богатым удержать свое положение, а рабочим освободиться от своей давленности, надо и тем и другим не брезгать употреблением для этого всевозможных средств: обманов, подкупов, убийств. И те и другие делают это и, что хуже всего, делая это, в глубине души большей частью знают, что ничего не достигнуто этим, и что продолжение такой жизни становится все более и более невозможным, и ищут и не находят выхода из этого положения. А выход неизбежный и один тот же для всех все яснее и яснее представляется людям. Выход один: освобождение себя от той когда то свойственной человечеству веры в необходимость и законность насилия и усвоение отвечающей теперешнему возрасту человечества, одинаково проповеданной во всех религиях мира, веры в необходимость и законность любви, исключаящей какое бы то ни было насилие человека над человеком.

Перед этим-то решительным шагом, который предстоит в наше время всему человечеству, и стоят теперь в нерешительности люди нашего мира и времени.

Но хотят ли или не хотят этого люди, они не могут не совершить шаг этот. Не могут не совершить его, потому что то религиозное верование, которое обосновывало власть одних людей над другими, отжило свое время, новое же, соответственное времени верование в высший закон любви все более и более входит в сознание людей..

VIII

Для чего же разум людей, если на них можно воздействовать только насилием?

Ничто не препятствует столько улучшению общественного устройства, как предположение о том, что такое улучшение может быть достигнуто изменением внешних форм. Ложное предположение это направляет деятельность людей на то, что не может содействовать, и отвлекает от того, что может содействовать улучшению жизни людей.

Мы так привыкли к рассуждениям о том, что одним людям свойственно устраивать жизнь других людей, людей вообще, что такие рассуждения нам не кажутся странными. А между тем такие рассуждения не могли бы никогда существовать между религиозными, и потому свободными людьми. Такие рассуждения суть последствия суеверия признания законности власти одних людей над другими.

Суеверие это не только совершенно бессмысленно, потому что нет никакого основания, почему одни люди — и большинство — должны подчиняться воле других — меньшинству, да еще наименее нравственных людей: оно еще и особенно вредно тем, что ослабляет во всех людях сознание необходимости исправлять себя, тогда как это одно единственное действительное средство воздействия на других людей.

Казалось бы, что бедствия, вытекающие из насилий, производимых людьми друг над другом, должны бы вызывать в них мысль о том, что они сами виноваты в этих бедствиях. А если люди сами виноваты, а я человек, стало быть и я виноват, казалось бы должен сказать себе каждый, а потому и спросить себя, в чем моя вина в претерпеваемых мною и всеми людьми бедствиях?

Так, казалось, должно бы быть, но суеверие о том, что одни люди не только имеют право, но и призваны и могут устраивать жизнь других людей, вследствие долгой жизни, основанной на насилии, до такой степени укоренилось в привычках людей, что мысль о своем участии в дурном устройстве жизни людей никому не приходит в голову. Все обвиняют друг друга. Одни обвиняют тех, которые, по их мнению, обязаны устраивать их жизнь и устраивают ее не так, как они считают это нужным. Другие же, устраивающие чужую жизнь, недовольны теми, жизнь которых они устраивают. И как те, так и другие думают о самых сложных и трудных вопросах, но не задают себе только одного, самого, казалось бы, естественного вопроса: что мне делать для того, чтобы изменилось то устройство жизни, которое я считаю дурным и в котором так или иначе не могу не участвовать.

«Любовь должна заменить насилие. Допустим, что это так, скажут люди, но как, каким путем должен и может произойти этот переворот? Что делать для того, чтобы переворот этот мог совершиться, чтобы жизнь насильническая заменилась жизнью мирной,

любовной?»

Что делать? спрашивают одинаково и властители, и подвластные, и революционеры, и общественные деятели, подразумевая под вопросом: что делать? всегда вопрос о том, как должна быть устроена жизнь людей.

Все спрашивают, как должна быть устроена жизнь людей, т. -е. что делать с другими людьми? Все спрашивают, что делать с другими, но никто не спрашивает, что мне делать с самим собою?

Суеверие неподвижности религии, породившее признание законности властвования одних людей над другими, породило еще и это другое, вытекающее из первого, суеверие, больше всего препятствующее людям перейти от жизни насильнической к жизни мирной, любовной, суеверие о том, что одни люди должны и могут устраивать жизнь других людей.

Так что главная причина коснения людей в складе жизни, уже признаваемом ими ложным, заключается в удивительном (происшедшем от суеверия неподвижности религии) суеверии о том, что одни люди не только могут, но и имеют право вперед определять и насилием устраивать жизнь других людей.

Стоит освободиться людям от этого обычного суеверия, и тотчас же стало бы ясно всем, что устраивается жизнь всякого соединения людей только так, как каждый сам для себя устраивает свою жизнь. А поняли бы это люди, как те, которые устраивают жизнь других, так и те, которые подчиняются этому устройению, так очевидно бы стало всем, что всякое насилие человека над человеком ничем не может быть оправдываемо и есть не только нарушение любви или даже справедливости, но и здравого смысла.

Так что избавление людей от тех бедствий, которые они переживают в наше время, прежде всего в освобождении себя от суеверия о неподвижности религии, а потому и от ложного, уже пережитого людьми нашего времени религиозного учения о божественности власти и вытекающего из него признания законности и полезности насилия..

IX

Не противиться злему силою не значит, что нужно отказаться и от охраны жизни и трудов своих и других людей, а значит только, что охранять все это нужно иным способом, не противоречащим высшему разумному существу в человеке; охранять жизнь и труды других людей и свои нужно пробуждением в нападающем злодее жизни разумного существа. Способ этот состоит преимущественно в собственном духовном совершенстве, необходимом для приобретения силы воздействия на других добром любовью, разумным освещением. Если я вижу, например, что один человек намерен убить другого, то самое большее, что я могу предпринять, это поставить самого себя на место убиваемого и сказать злодею: «Вот тебе моя грудь, убей прежде меня, потому что я не могу выносить и «не могу допустить, пока жив, человекоубийства, — и защитить, закрыть собою того человека и, если можно спасти, утащить, спрятать его, все равно, как я стал бы спасать человека из пламени пожара или утопающего: либо самому погибнуть, либо спасти. Если же я оказываюсь бессильным в этом способе, потому что я сам заблудший грешник, то это мое бессилие не дает мне права на грех, права пробуждать в себе зверя, еще более усиливать беспорядок в своей душе и вносить беспорядок в мир злом насилия и его оправданием.

Бука.

«Хорошо, любовь вместо законов, приводимых в исполнение насилием. Допустим, что признание всеми людьми средством единения между собою любви вместо насилия увеличило бы благо людей, но оно увеличило бы его только тогда, когда все люди признавали бы для себя обязательным закон любви», говорят обыкновенно. «Но что будет со всеми теми, кто откажется от насилия, живя среди людей, не отказавшихся от него? Людей этих лишат всего, будут мучать, люди эти будут рабами людей, живущих насилием».

Так всегда и все одно и то же и не стараясь понимать того, что включено в самом учении любви, говорят защитники насилия.

Не стану говорить о том, что если насилие когда либо защищало жизнь и спокойствие людей, то бесчисленное количество раз оно напротив было причиной величайших бедствий, которые не могли бы быть, если бы люди не допускали насилия. Не буду говорить про все те ужасы, которые с самых древних времен совершались во имя признания необходимости насилия, ни про ужасы древних и средневековых войн, ни про ужасы большой французской революции, про 30000 коммунаров 70 года, про ужасы наполеоновских, франкопрусских, турецких, японских войн, индийских усмирений, теперешних персидских дел, теперь совершающейся резни армян, убийств и казней в России, ни миллиардов непрестанно погибающих от нужды и голода рабочих. Взвесить и решить вопрос о том, больше или меньше было или будет матерьяльных зол от применения в общественной жизни насилия или закона любви, мы никак не можем, потому что не знаем — и не можем знать — того, что

бы было, если бы хотя бы и малая часть людей следовала закону любви, а большая [жила бы насилием]. Вопрос этот никак не может быть решен ни опытом, ни рассуждением. Вопрос этот вопрос религиозно-нравственный и потому решается не опытом, а внутренним сознанием, как и все вопросы религиозно-нравственные, решается не соображениями о том, что выгоднее, а тем, что человек признает хорошим и что дурным, что должным и что недолжным.

Ни на чем, как на отношении людей нашего мира к вопросу о применении к жизни закона любви и неразрывно связанному с ним понятию непротивления злу насилием, так не видно полного отсутствия в людях нашего времени не только христианского верования, но хотя какого бы то ни было религиозного верования, и не только какого бы то ни было религиозного верования, но даже и понимания того, в чем состоит религиозное верование.

«Закон любви, исключаящий насилие, неисполним, потому что может случиться, что злодей на наших глазах будет убивать беззащитного ребенка», говорят люди.

Люди эти не спрашивают о том, что им делать, когда они видят ведомого на казнь человека, или когда видят обучаемых к убийству людей, или когда видят замариваемых на фабриках нездоровым трудом работников, женщин, детей. Все это они видят и не только не спрашивают, что им при этом делать, но сами участвуют в этих делах, в казнях, солдатских обучениях, войнах, в замаривании рабочих и во многих других таких же делах. Но вот, видите ли, их всех очень занимает и беспокоит вопрос о том, как им поступить с убиваемым на их глазах воображаемым ребенком. До такой степени трогает их судьба этого воображаемого ребенка, что они никак не могут допустить, чтобы одним из необходимых условий любви было бы неупотребление насилия. В сущности же занимает этих людей, желающих оправдать насилие, никак не судьба воображаемого ребенка, а своя судьба, своя вся основанная на насилии жизнь, которая при отрицании насилия не может продолжаться.

Защитить убиваемого ребенка всегда можно, подставив свою грудь под удар убийцы, но мысль эта, естественная для человека, руководимого любовью, не может притти в голову людям, живущим насилием, так как для этих людей нет и не может быть никаких других кроме животных — побуждений к деятельности.

В действительности же вопрос о приложении к жизни требований любви сводится к самому простому умозаключению, умозаключению, всегда признававшемуся и не могущему не признаваться разумными людьми, а именно тому, что любовь, несовместимая с деланием другому чего себе не хочешь, несовместима поэтому и с ранами, лишением свободы, убийствами других людей, которые всегда неизбежно включены в понятие насилия. И потому можно жить насилием, не признавая закона любви религиозным законом любви; можно жить и по закону любви, не признавая необходимости насилия, но признавать божественными и закон власти, т. е. насилия, и таким же божественным и закон любви, казалось бы, невозможно. А между тем в этом самом вопиющем противоречии живут все люди нашего времени и в особенности люди христианского мира.

X

Если ты страдаешь от зла существующего устройства мира или возмущаешься им, то знай, что для борьбы с этим порядком есть только одно средство: усиление в людях религиозного сознания.

Понятно, что такое усиление должно произойти прежде всего в тебе самом, и это усиление религиозного сознания в тебе есть могущественнейшее средство усиления его в других.

Чем больше будут верить люди в то, что они могут быть приведены чем-то внешним, действующим само собою, помимо их воли, к изменению и улучшению своей жизни, тем труднее совершится это изменение и улучшение.

«Но это все общие рассуждения. Допустим, что я верю в закон любви», скажут на это. «Что делать мне, Ивану, Петру, Марье, каждому человеку, если он признает справедливость того, что человечество дожило до необходимости вступления на новый путь жизни? Что делать мне, Ивану, Петру, Марье для того, чтобы уничтожилась та дурная жизнь насилия и установилась бы добрая жизнь по любви? Что именно надо делать мне, Ивану, Петру, Марье, для того, чтобы содействовать этому перевороту?»

Вопрос этот, несмотря на то, что он кажется нам столь естественным, так же странен, как странен бы был вопрос человека, губящего свою жизнь пьянством, игрой, распутством, ссорами, который бы спрашивал: что мне делать, чтобы улучшить свою жизнь?

Как ни совестно отвечать на такой наивный вопрос, все-таки ответу для тех, кому такой ответ может быть нужен.

Ответ на вопрос о том, что надо делать человеку, осуждающему существующее устройство жизни и желающему изменить и улучшить его, ответ простой, естественный и один для каждого, не одержимого суеверием насилия человека, такой:

Первое: перестать самому делать прямое насилие, а также и готовиться к нему. Это первое, второе не принимать участия в каком бы то ни было насилии, делаемом другими людьми, и также в приготовлениях к насилию. Третье не одобрять никакое насилие.

) Не делать самому прямого насилия значит не хватать никого своими руками, не бить, не убивать, не делать этого для своих личных целей, а также и под предлогом общественной деятельности.

) Не принимать участия в каком бы то ни было насилии значит не только не быть полицмейстером, губернатором, судьей, стражником, сборщиком податей, царем, министром, солдатом, но и не участвовать в судах просителем, защитником, сторожем,

присяжным.

) Не одобрять никакое насилие значит, кроме того, чтобы не пользоваться для своей выгоды никаким насилием, ни в речах, ни в писаниях, ни в поступках не выражать ни похвалы, ни согласия ни с самым насилием, ни с делами, поддерживающими насилие или основанными на насилии.

Очень может быть, что если человек будет поступать так, откажется от солдатства, от судов, от паспортов, от уплаты податей, от признания властей и будет обличать насильников и их сторонников, подвергнется гонениям. Весьма вероятно, что такого человека по нынешним временам будут мучать: отнимут у него имущество, сошлют, запрут в тюрьму, может быть и убьют. Но может быть и то, что человек и не делающий ничего этого и напротив исполняющий требования властей, пострадает от других причин точно так же, а может быть и еще больше, чем тот, который откажется от повиновения. Так же, как может быть и то, что отказ человека от участия в насилии, основанный на требованиях любви, откроет глаза другим людям и привлечет многих к таким же отказам, так что власти не будут уже в состоянии применить насилие ко всем отказавшимся.

Все это может быть, но может и не быть. И потому ответ на вопрос о том, что делать человеку, признающему истинность и приложимость к жизни закона любви, не может быть основан на предполагаемых последствиях.

Последствия наших поступков не в нашей власти. В нашей власти только самые поступки наши. Поступки же, какие свойственно делать и, главное, какие свойственно не делать человеку, основываются всегда только на вере человека. Верит человек в необходимость насилия, религиозно верит, и такой человек будет совершать насилия не во имя благих последствий, которых он ожидает от насилия, а только потому что верит. Если же верит человек в закон любви, то он точно так же будет исполнять требования любви и воздерживаться от поступков, противных закону любви, независимо от каких бы то ни было соображений о последствиях, а только потому что верит и от того не может поступить иначе.

И потому для осуществления в жизни закона любви и замены им закона насилия, нужно только одно: то, чтобы люди верили в закон любви так же, как они верят теперь в необходимость насилия. Поверь только люди в закон любви хоть приблизительно так же, как они верят теперь в необходимость насилия, и вопрос о том, как поступать людям, отказавшимся от насилия, с людьми, совершающими насилие, перестанет быть вопросом, и жизнь людей без всяких усилий и потрясений сложится в неизвестную нам форму жизни, к которой идет человечество и которая избавит его от тех зол, от которых оно страдает теперь.

Возможно ли это?.

XI

Стоит человеку отвернуться от разрешения внешних вопросов и поставить себе единый истинно свойственный человеку внутренний вопрос: как ему лучше прожить свою жизнь? чтобы все внешние вопросы получили наилучшее разрешение.

Мы не знаем, не можем знать, в чем состоит общее благо, но твердо знаем, что достижение блага возможно только при исполнении того закона добра, который открыт каждому человеку.

Когда бы люди захотели вместо того, чтобы спасти мир, спасти себя; вместо того, чтобы освободить человечество, себя освободить, — как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества!

Герцен.

Разрешение не одного вопроса общественного устройства, а всех, всех вопросов, волнующих человечество, в одном, в перенесении вопроса из области кажущейся широкой и значительной, но в сущности самой узкой, ничтожной и всегда сомнительной: из области внешней деятельности, (имеющей, будто бы, в виду благо всего человечества, деятельности научной, общественной), в область, кажущуюся узкой, но в сущности самую широкую и глубокую и, главное, несомненную: в область своей личной, не телесной, но духовной жизни, в область религиозную.

Только сделай это для себя каждый человек, спроси себя, настоящего себя, свою душу, что тебе перед Богом или перед своей совестью (если не хочешь признавать Бога) нужно, и тотчас же получатся самые простые, ясные, несомненные ответы на самые казавшиеся сложными и неразрешимыми вопросы, уничтожатся большей частью и самые вопросы, и все, что было сложно, запутанно, неразрешимо, мучительно, все тотчас же станет просто, ясно, радостно и несомненно.

Кто бы ты ни был: император, король, палач, миллиардер, тюремщик, нищий, министр, вор, писатель, монах, остановись на минуту в своей деятельности и загляни в свою святую святых, в свое сердце и спроси себя, что тебе, настоящему тебе нужно для того, чтобы прожить наилучшим образом те часы или десятилетия, которые еще могут предстоять тебе. И кто бы ты ни был, если ты только искренно и серьезно спросишь себя об этом, ты не можешь не ответить себе то же, что отвечали и отвечают себе все люди, серьезно и искренно ставившие и ставящие себе вопрос этот: нужно тебе одно, наверное одно, то самое, что всегда было и теперь нужно для всех: благо, истинное благо, не такое благо, которое нынче может быть благом, а завтра может стать злом, и не такое, какое было бы благом для одного тебя, а злом для других, а одно истинное несомненное благо, такое

благо, которое благо и для тебя, и для всех людей, и сегодня и завтра и во всяком месте. А такое истинное благо дается только тому, кто исполняет закон своей жизни. Закон же этот ты знаешь и по разуму, и по учениям всех мудрецов мира, и по влечению своего сердца. Закон этот любовь: любовь к высшему совершенству, к Богу и ко всему живому и в особенности к подобным себе существам — людям.

Только пойми это каждый из нас, и он тотчас же поймет и то, что причина страданий и своих и всего мира не в каких либо злых людях, виновных в том зле, которое совершается, а только в одном: в том, что живут люди в условиях жизни, сложившихся на насилии, условиях, противных любви, несовместимых с нею, и что потому причина того зла, от которого мы все страдаем, не в людях, а в том ложном устройстве жизни на насилии, которое люди считают необходимым.

А пойми это каждый человек — и он поймет, что ворующий вор и богач, скопляющий и удерживающий богатства, и властитель, подписывающий смертный приговор, и палач, приводящий его в исполнение, и революционер, бросающий бомбу, и дипломат, приготавливающий войну, и проститутка, отдающая на поругание свою душу и тело, и солдат, стреляющий в того, в кого ему велят, все одинаково не виноваты, а делают то, что делают, только потому, что живут по ложной вере в [необходимость] насилия, без которого они не могут себе представить жизни.

А поймет это человек, и он ясно увидит всю несправедливость, жестокость, неразумность осуждения людей, приведенных своей отжившей верой в насилие и вытекающими из нее сложными условиями жизни к своим противным любви поступкам, поймет и то, что люди делают дурное не потому что они виноваты, а потому что существует то суеверие насилия, которое может быть уничтожено никак не насилием же, а только освобождением себя, каждым человеком, от этого губительного суеверия.

Освобождение же от суеверия насилия в одном: в освобождении себя от общих мнимоважных вопросов общественной жизни, в перенесении всех усилий духа из области общественной, внешней деятельности, в исполнении требований своей внутренней духовной жизни. Требования же эти ясно выражены в учениях всех религиозных учителей человечества, а также в внутреннем сознании каждого человека; требования эти в увеличении в себе каждым человеком способности любви..

XII

Заканчивая свою миссию, Иисус установил основание нового общества. До него народы принадлежали одному или многим господам, как стада принадлежат хозяевам... Князья и сильные давили народ всей тяжестью своей гордости и корыстолюбия. Иисус кладет конец этому неустройству, поднимает согбенные головы, освобождает рабов. Он научает их тому, что, будчи равными перед богом, люди свободны друг перед другом, что никто не может иметь сам по себе власти над своими братьями, что равенство и свобода — божественные законы человеческого рода — ненарушаемы; что власть не может быть правом; что в общественном устройстве она есть должность, служение, некоторого рода рабство, свободно принятое на себя в виду общего блага. Таково общество, которое устанавливает Иисус.

Это ли мы видим в мире? Это ли учение царствует на земле? Слуги или господа — князья народов в нашем мире?

В продолжение 18 веков поколение за поколением передает друг другу учение Христа и говорят, что верят в него. А что же изменилось в мире? Народы задавленные и страдающие все еще ждут обещанного освобождения, и не от того, чтобы слово Христа было неверно или недействительно, но от того, что народы или не поняли, что осуществление учения должно совершиться их собственными усилиями, их твердой волей, или, заснувши в своем унижении, не сделали того одного, что дает победу — не готовы были умереть за истину. Но они проснутся. Уже что-то шевелится среди них: они слышат уже голос, который говорит: спасение близко.

Ламенэ.

Истинное направление мысли состоит не в том, чтобы установить новые законы для светской или духовной власти, а в том, чтобы признать личность человека и скрытую в ней власть. Такое направление мысли будет содействовать прогрессу человечества несравненно более, чем все несчастные попытки слепых предводительствовать слепыми, при которых все они падают в яму догматов, авторитетов и нравственных систем.

Иатс.

В наше время продолжение жизни на основах отжитых и резко противоположных сознаваемой уже всеми истине стало невозможно, и потому, хотим ли мы или не хотим этого, мы должны в устройстве своей жизни поставить закон любви на место насилия. Но как же сложится жизнь людей на основании любви, исключаящей насилие? На вопрос этот никто не может ответить, да кроме того ответ этот никому и не нужен. Закон любви не есть закон общественного устройства того или другого народа или государства, которому можно содействовать, когда предвидишь, или скорее, воображаешь, что предвидишь те условия,

при которых совершится желательное изменение. Закон любви, будучи законом жизни каждого отдельного человека, есть вместе с тем и закон жизни всего человечества, и потому безумно было бы воображать, что можно знать и желать знать конечную цель как своей жизни, так тем более жизни всего человечества.

То, что мы не знаем и не можем даже себе представить того, какая будет жизнь людей, верящих в закон любви, так же, как верят теперь люди в необходимость насилия, показывает только то, что, следуя закону любви, мы истинно живем, делая то, что должно каждый для себя и то, что должно для жизни всего человечества. То, что, следуя закону любви, мы делаем то, что должно для себя, мы знаем потому, что, только следуя этому закону, мы получаем наибольшее благо. То же, что, следуя этому закону, мы делаем и то, что должно [и] для всего человечества, мы знаем потому, что благо человечества в единении, а ничто не может по самому свойству своему так тесно и радостно соединять людей, как тот самый закон любви, который дает и высшее благо каждому отдельному человеку.

Вот все, что я хотел сказать.

Всей душой веря в то, что мы живем накануне всемирного великого переворота в жизни людей, и что всякое усилие для скорейшего разрушения того, что не может не быть разрушено, и скорейшего осуществления того, что не может не быть осуществлено, всякое усилие, хотя бы и самое слабое, содействует наступлению этого переворота, я не мог, доживая по всем вероятностям последние дни моей жизни, не попытаться передать другим людям эту мою веру.

Да, мы стоим на пороге совсем новой радостной жизни, и вступление в эту жизнь зависит только от нашего освобождения себя от все более и более мучающего нас суеверия необходимости насилия для совокупной жизни людей и признания того вечного начала любви, которое уже давно живет в сознании людей и неизбежно должно заменить отжитое и уже давно ненужное и только губительное для людей начало насилия.

Лев Толстой.

*Ясная Поляна.
Июля 1909 г.*

История писания и печатания

Статью эту Толстой начал писать в марте 1909 г. В дневнике Н. Н. Гусева («Два года с Я. Н. Толстым», изд. «Посредник». М. 1912, стр. 273) от 15 апреля 1909 г. записано: «Около месяца тому назад Л. Н. начал новую статью, в которой с разных сторон выражает давно уже высказываемую им мысль о том, что человечество нашего времени необходимо должно перейти от устройства жизни, основанного на насилии, к устройству жизни, основанному на любви. Пиша эту статью, Л. Н. несколько раз изменял ее заглавие. Вот список сменявшихся одно за другим заглавий этой статьи: 1) Старое и новое; 2) Неизбежная революция сознания; 3) Новая жизнь; 4) Человечество вырастает из пеленок; 5) Революция неизбежная, необходимая и всеобщая».

В Дневнике самого Толстого работа над этой статьей отмечается начиная с 26 марта 1909 г. (ср. дату в рукописи № 2): «Нынче писал «Революцию сознания», недурно». Далее — в записях от 27 марта («Поправил «Революцию». Все не знаю как назвать. Выбрал прекрасные эпиграфы»), 28 марта (где заглавие — «Старое и Новое»), 29—30 марта, 1 апреля, 3 апреля («Все нехорошо. Заглавие: Новая жизнь»), 8, 12—13 апреля, 15 мая, 17 мая («Думаю, что кончил Неизбежный шаг»), 19, 20, 21, 25 мая («Неизбежный переворот») и 2 июня.

В письме к В. Г. Черткову от 25 мая 1909 г. Толстой писал: «Я это время всё возился с статьей — вы знаете — которую я хочу назвать «Неизбежный переворот» и пока оставил и думаю, что кончил. (Если хотите, я пришлю вам)».

2 июня 1909 г. (как видно из дневника Н. Н. Гусева, стр. 287) Толстой дал статью на чтение А. Б. Гольденвейзеру: «Вчера вечером А. Б. Гольденвейзер читал в моей комнате уже законченную Л. Н.-чем статью «Неизбежный переворот». Л. Н., проходя мимо, поинтересовался узнать, что он читает, и, узнав, что «Неизбежный переворот», сказал: — Книга хорошая, хоть и я ее писал».

Извлечение из статьи «Неизбежный переворот» появилось в «Русских ведомостях» 1909 г., № 207 от 10 сентября. Целиком (с цензурными выпусками) напечатано впервые в 12-м издании «Сочинений» (М. 1911, стр. 690—780), с датой «5 июля 1909 г.» Надо полагать, что эта дата стояла на рукописи последней редакции статьи, которой в архиве Толстого не оказалось (рукопись № 14, последняя из найденных, названа Н. Н. Гусевым «предпоследней» — см. в описании рукописей).